

УДК 81'25

ТАК КТО ЖЕ ОЦЕНИВАЕТ КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА?

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются разные подходы к решению проблемы оценки качества перевода. На примере теории гармонизации, основанной на текстоцентрическом подходе к переводу, демонстрируются ограничения данного подхода, а также преимущества коммуникативно-функционального подхода, предполагающего учет реальных условий осуществления переводческой деятельности.

Ключевые слова: оценка качества перевода, коммуникативно-функциональный подход к переводу, текстоцентрический подход к переводу, теория гармонизации, коммуникативная ситуация.

So, Who Is the Assessor of the Translation Quality?

Vadim V. Sdobnikov

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article highlights two different approaches to translation quality assessment. The example of the harmonization theory serves to illustrate the limitations of the text-oriented approach as well as advantages of the communicative-functional (functionalist) approach that accounts for real conditions in which translation/interpreting is performed.

Key words: translation quality assessment, communicative-functional approach to translation, text-oriented approach to translation, harmonization theory, communicative situation.

В своей статье, опубликованной в предыдущем выпуске журнала «Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности» [3], мы утверждали, что единственным *реальным* субъектом оценки качества перевода может быть только один из участников *реального* коммуникативного акта (чаще всего – получатель перевода, инициатор перевода, переводчик). Назойливый повтор слова «реальный» не является в данном случае тавтологией: он призван подчеркнуть, что всякое рассуждение о качестве перевода имеет смысл только применительно к той ситуации, в которой перевод осуществляется. Казалось бы, вполне логичное утверждение. Но насколько оно противоречит сложившейся в переводоведении традиции рассматривать проблемы оценки качества перевода, равно как и все прочие проблемы, как бы «со стороны»! «Со стороны» означает, что теоретики перевода искусственно вырывают кем-то и когда-то, а главное, где-то созданный текст перевода (ПТ) из реальной ситуации его создания и, на основе сопоставления ПТ с оригиналом, делают выводы о достоинствах и недостатках перевода. При этом забывается, что всякий продукт (а текст перевода – это продукт речевой деятельности) имеет достоинства или недостатки *прежде всего* для того, кто этим продуктом пользуется. Не случайно Юджин Найда писал: «Когда возникает вопрос, какой из двух переводов одного текста лучше, ответ на этот вопрос следует искать в ответе на другой вопрос: “Лучше для кого?”» [5. С. 5]. Озадачимся и мы этим вопросом. Предположим, созданный

переводчиком текст (заметим, созданный в реальной ситуации и в расчете на реальных получателей) по каким-то параметрам не нравится стороннему исследователю. Исследователь готов предложить собственную версию перевода, в которой были бы решены все те задачи, которые исследователь ставит (*post factum!*) перед переводчиком. Таким образом, мы имеем уже два варианта перевода. Какой же из них лучше? Воистину сказано: «Лучше для кого?». Для ученого, который рассматривает текст перевода исключительно как объект приложения своих исследовательских усилий? Или все-таки для того реального получателя / инициатора перевода, который использует ПТ в качестве инструмента осуществления своей предметной (производственной, познавательной, коммуникативной) деятельности?

Вполне очевидно, что мы склоняемся именно ко второму варианту ответа. Хотелось бы, что это мнение разделили и коллеги. Однако не стоит быть излишне наивными. Появление в последние годы новых переводоведческих концепций и теорий, оформляющихся в отдельное направление (об этом речь пойдет ниже) далеко не всегда внушает нам надежду на то, что коммуникативно-функциональный подход к переводу утвердится в переводоведении в ближайшее время.

И здесь уместно обратиться к рассмотрению положений сравнительно новой теории, которая названа теорией гармонизации. В сжатом виде положения этой теории изложены в статье [2]. Эта статья привлекла наше внимание в связи с тем, что в ней предлагаются своего рода критерии оценки качества перевода, представленные в виде типов отношений между значимостями единиц разных уровней в ИТ и ПТ. Авторы рассматривают ситуацию устного последовательного перевода и вполне справедливо утверждают, что «оценка качества перевода практически всегда осуществляется с позиции реципиента – потребителя переводческих услуг» [2. С. 47]. Данное утверждение вполне согласуется с нашим представлением о субъектах оценки качества перевода в разных коммуникативных ситуациях, изложенным, например, в нашей статье [4]. Само по себе оно соответствует положениям коммуникативно-функционального подхода к переводу. Более того, авторы, ссылаясь на Д. Андерса, приводят интересные данные об ожиданиях слушателей по отношению к качеству перевода: 96% реципиентов считают значимыми смысловую точность и полноту перевода; 75% полагают, что переводчик должен передавать основные мысли оригинала; 67% признают важность идентификации переводчика с выступающим; 84% слушателей не допускают того, чтобы переводчик улучшал оригинал; 69% считают возможным опущение незначительных нюансов исходного сообщения; наиболее раздражающими в переводе для реципиентов являются нервозность переводчика и незаконченные фразы [2. С. 47-48]. Другими словами, как минимум, констатируется наличие у получателей перевода определенных ожиданий в отношении его качества. Почему же «как минимум», почему так немного? А именно потому, что все сформулированные в процессе данных опросов требования к качеству перевода являются требованиями *умозрительными*: потенциальные

получатели перевода вроде бы имеют представление, каким перевод должен быть, но является ли он действительно таковым, они не знают. По той простой причине, что не имеют возможности сравнить перевод с оригиналом из-за незнания языка оригинала. Впрочем, определенные данные свидетельствуют и о том, что реципиенты (устного) перевода могут делать определенные суждения о реальных качественных признаках ПТ. Авторы рассматриваемой статьи приводят данные о реакциях получателей перевода на нарушения грамматических и стилистических норм в ПТ, на наличие пауз и сорных слов, на темп речи и т.п. [2. С. 48]. Несомненно, эти данные заслуживают определенного внимания исследователей, для которых небезразлично, чем руководствуются получатели ПТ, делая заключение о его качестве.

Вместе с тем, пытаясь рассмотреть проблему оценки качества перевода в свете теории гармонизации [1], авторы скорее невольно, нежели вольно сами с собой вступают в противоречие. Во-первых, что означает гармоничность? «Гармоничность мы понимаем как установление смысловых межъязыковых и, главным образом, межкультурных соответствий между текстами оригинала и перевода», – пишут они [2. С. 49]. Sic! Оказывается, степень гармоничности / негармоничности перевода можно определить, только сопоставив перевод с оригиналом. Действительно, как же иначе можно установить наличие соответствий между двумя текстами? Но тогда становится неясным, какова роль реципиента, о котором авторы писали выше. Куда он делся? И кто все-таки оценивает качество перевода: сам реципиент или тот мистический, не видимый никем исследователь, который единственный имеет возможность сопоставить перевод с оригиналом и, пользуясь своим сокровенным знанием теории гармонизации, сделать вывод о гармоничности перевода? Сама логика рассуждений авторов приводит нас к вполне определенному, хотя и весьма неутешительному, выводу.

Собственно, какие же отношения, по мнению авторов, должны возникнуть между значимостями единиц ИТ и ПТ, если перевод качественный (гармоничный)? Но прежде всего, какой же перевод считается гармоничным. Авторы пишут: «...гармоничным является перевод, в котором гармонизированы значимости единиц разных уровней, начиная от слов, словосочетаний, предложений, заканчивая текстом и дискурсом» [2. С. 50]. Далее приведем развернутую цитату: «...иерархия значимостей может принять следующий вид:

- дисгармония: в тексте перевода имеет место столкновение значимостей (переводческие ошибки и несоответствия);
- адекватность: первый уровень гармоничности – частичное выявление значимостей в содержательном поле и в одном из полей субъектов переводческой коммуникации;
- эквивалентность: второй уровень гармоничности – переводчик выявляет значимости полей всех субъектов переводческой коммуникации, выполняя успешно межъязыковой перевод;
- собственно гармоничность: межъязыковой перевод обогащен межкультурным переводом: в переводческом пространстве произошло

взаимодействие значимостей, их согласование и координация, иными словами, гармонизация значимостей [2. С. 50].

Прежде всего, вызывает удивление та несущественная роль, которая отводится категории адекватности. Оказывается, «адекватным признается перевод, при котором переводчику удастся транспонировать фактуальные смыслы, формируемые исключительно в содержательном поле» [2. С. 49]. Проще говоря, адекватность предполагает воспроизведение в переводе основных элементов содержания текста. Подобное представление об адекватности перевода, несомненно, отличается новизной даже на фоне весьма многочисленных концепций адекватности, представленных в трудах переводоведов. Далее. Из приведенной цитаты не ясно, что же означает эквивалентность (что значит «переводчик успешно выполняет межъязыковой перевод»?). Поэтому приведем еще одно высказывание авторов: «между текстами / дискурсами оригинала и перевода возникают отношения эквивалентности, означающие, что переводчик осуществил все межъязыковые преобразования в переводческом пространстве, которые затрагивают все его поля, кроме фатического» [2. С. 49]. Итак, осуществление межъязыковых преобразований в переводческом пространстве есть признак эквивалентности перевода. Можно предположить, что Л.В. Кушнина и Е.В. Аликина не разделяют точку зрения В.Н. Комиссарова, согласно которой тип эквивалентности определяется количеством информации, переданной в переводе. В этом смысле то, что авторы называют адекватностью, больше подпадает под определение эквивалентности по В.Н. Комиссарову. Что ж, каждый исследователь имеет право на собственную точку зрения. Однако в связи с этим возникает все тот же вопрос: если все-таки реципиент перевода – основной субъект оценки его качества, откуда же он знает, что переводчик осуществил *все* межъязыковые преобразования?

Наконец, если переводчик успешно осуществил не только межъязыковые преобразования, но и межкультурные, и успешно их гармонизировал, то мы имеем гармоничный перевод [2. С. 49]. Таким образом, межкультурные преобразования (что бы под этим ни понималось) – это высший пилотаж в переводе. А разве они не предполагаются всеми ситуациями перевода, который, как известно, представляет собой не только столкновение языков, но и столкновение культур? Выделяя категорию гармоничности перевода, авторы имплицитно допускают наличие негармоничных переводов, то есть переводов, в которых это высшее качество не достигается, в которых межкультурные преобразования не осуществлены.

Разумеется, переводы невысокого качества («негармоничные» переводы) в природе существуют, и их, к сожалению, много. Но кто свидетельствует об их низком качестве, равно как и о качестве хороших переводов (именно «кто», а не «что»)? Если исходить из положений коммуникативно-функционального подхода, то это явно не сторонний наблюдатель, а именно получатель перевода (или его инициатор). И в этом смысле приводимые авторами данные о реакциях реципиентов на ИТ представляют значительный интерес и обретают особый смысл. Они сами

по себе указывают на наличие в рамках переводоведения направления исследований, для которого точкой отсчета является мнение субъекта коммуникации, – прежде всего, реципиента перевода. Но сами авторы статьи действуют в русле иного направления.

Вероятно, авторы рассматриваемой статьи могут возразить следующим образом: теория гармонизации предполагает, что если между значимостями оригинала и перевода установлены все указанные отношения и обеспечена гармоничность перевода, то это будет отмечено получателем перевода. Иначе говоря, он будет удовлетворен его качеством. Вполне можно допустить, что это действительно так. Но тогда какую ценность имеет сугубый интерес к отношениям между значимостями двух текстов, если они все равно не анализируются и не воспринимаются получателем ПТ? Не лучше бы встать на позицию самого получателя и посмотреть, какими критериями он руководствуется, оценивая перевод в реальной ситуации. Тем более, повторим, примеры подобного подхода есть, и авторы на них ссылаются.

С нашей же стороны мы можем предложить еще одно возражение. В разных коммуникативных ситуациях с использованием перевода (КСП) реципиенты ПТ преследуют разные цели, определяемые спецификой осуществляемой ими предметной деятельности. Ситуация с использованием устного последовательного перевода – это лишь один из вариантов КСП. Более того, устный последовательный перевод может использоваться в разных ситуациях предметной деятельности: в ситуации шеф-монтажа, международной конференции, экскурсионного обслуживания, двусторонних переговоров, в социальной сфере (в больнице, суде, на таможне и т.п.). Учитывая специфику коммуникативной ситуации, устный перевод каждый раз использует разные переводческие тактики. И результат его деятельности оценивается исходя из того, насколько созданный переводчиком текст удовлетворяет ожиданиям получателей / инициаторов перевода в разных ситуациях. Нам представляется, что теория гармонизации, устанавливая общую схему отношений между текстами оригинала и перевода, не учитывает именно специфики разных ситуаций перевода как фактора, определяющего требования к результату переводческой деятельности вообще и, если угодно, к отношениям между двумя текстами, в частности.

Столь подробное рассмотрение данной статьи (а оно могло бы быть еще более подробным) имеет определенную цель и определенную причину. Начнем с причины. Ею является беспокойство по поводу того, что в последнее время в переводоведении появились концепции, которые уведут исследователей в сторону. Именно в сторону – от основного, магистрального направления развития теории перевода. А ведь достаточно вспомнить, как теория перевода развивалась до сих пор. Первоначально она складывалась как дисциплина сугубо лингвистическая (если говорить об отечественном переводоведении, то именно это направление, единственное для своего времени, было представлено в трудах А.В. Федорова, Я.И. Рецкера, Л.С. Бархударова, И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга, В.Н. Комиссарова). Единственным подходом,

исповедовавшимися представителями старой школы отечественного переводоведения, был подход «текстоцентрический», или собственно лингвистический. Для начального этапа развития теории перевода как науки это было вполне закономерное явление. Задача выявления лингвистических закономерностей процесса перевода могла быть решена только на основе этого подхода. В дальнейшем возникла идея включения перевода в широкие рамки межъязыковой и межкультурной коммуникации, реализованная в работах Ю. Найды, представителей Лейпцигской школы перевода, авторов «скопос-теории», а в отечественном переводоведении – в работах А.Д. Швейцера, З.Д. Львовской и многих других исследователей. Постепенно исследователи стали приходить к пониманию того, что перевод ценен не сам по себе, как некое филологическое упражнение по преобразованию одного текста в другой; перевод – это прежде всего инструмент осуществления коммуникации между представителями разных языковых коллективов и культур, а в более широком смысле – средство осуществления предметной деятельности разноязычных коммуникантов. Можно сказать, что перевод «обрел человеческое лицо», в частности, благодаря утверждению коммуникативно-функционального подхода к переводу. Именно в развитии и укреплении этого подхода мы усматриваем возможность развивать теорию перевода в дальнейшем. Это магистральное направление развития переводоведения, «мейнстрим», если угодно.

Сейчас же мы наблюдаем появление концепций, основанных именно на текстоцентрическом подходе, для которого метод сопоставления двух текстов является основным, если не единственным. Но при этом каждая подобная концепция отягощена новыми идеями («теориями»), рожденными в рамках чистой лингвистики либо возникшими на основе положений традиционного (текстоцентрического) переводоведения. В результате мы имеем некое ответвление от основного курса развития науки, уход в сторону. По этому пути можно идти долго, бесконечно. Но этот путь вряд ли приведет нас к постижению общественной сущности перевода и тех его закономерностей, которые обеспечивают выполнение переводом как деятельности его социального назначения.

Рассмотренная нами концепция оценки качества перевода – лишь один из примеров подобного рода теорий. Нами было установлено, что в ее основе – все тот же текстоцентрический подход к переводу. Более всего удручает логический разрыв между утверждением о ведущей роли получателя перевода как субъекта оценки его качества и рассуждениями об отношениях между двумя текстами (которые, повторим еще раз, неведомы получателю). Остаются сомнения и в возможности использовать эту теорию в дидактических целях. Разумеется, это тема, заслуживающая отдельного, обстоятельного рассмотрения. Здесь же мы лишь заметим, что, по нашему твердому убеждению, теория перевода имеет право на существование, только если она имеет выход в дидактику перевода, в практику подготовки переводчиков. Пока же нам не совсем ясно, каким образом положения теории гармонизации можно использовать в целях подготовки профессиональных переводчиков. Есть опасение, что вместо

того, чтобы учить студентов оценивать собственные переводы с позиции получателя / инициатора перевода в пусть предполагаемой, но все же реалистичной коммуникативной ситуации, мы будем настраивать их на сопоставление двух текстов по определенным критериям, нерелевантным с точки зрения субъектов коммуникации. Вполне можно предположить, что в какой-то момент обученный таким образом студент скажет: «А что, я все сделал правильно, мой перевод гармоничный. А то что он не понравился получателю, так это его, получателя, проблема».

Таким образом, общая цель данной статьи – на примере отдельной переводоведческой теории показать бесперспективность и даже опасность исследований, основанных на текстоцентрическом подходе к переводу и исключающих обращение к реальным условиям осуществления переводческой деятельности.

Библиографический список

1. *Кушнина Л.В.* Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009. 196 с.
2. *Кушнина Л.В., Аликина Е.В.* Система оценки качества устного последовательного перевода в свете теории гармонизации // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 4(10). С. 46-51.
3. *Сдобников В.В.* Качество перевода с точки зрения его получателя // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 1(8). Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ им. Н.А. Добролюбова», 2013. С. 219-230.
4. *Сдобников В.В.* Оценка качества перевода в разных коммуникативных ситуациях: проблема субъекта // Дидактика межкультурной коммуникации в иноязычном образовании: теория и практика: материалы Всерос. конф-ции. с междунар. участием, посвященной 75-летию проф. А.Н. Утехиной: в 2 ч. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. Ч. 2: Филология. Лингвистика. С. 271-276.
5. *Nida E.* Towards a Science of Translating. Leiden: Brill, 1964. 331 p.